

УДК 392.51

С.И. Петрова

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова
ул. Белинского, 58, Якутск, 677000, Россия
E-mail: sakhafolklor@rambler.ru

ОДЕЖДА В ТРАДИЦИОННЫХ СВАДЕБНЫХ РИТУАЛАХ ЯКУТОВ (XIX–XX века)

В статье отражены наиболее архаичные черты свадебных церемоний якутов, важным атрибутом которых являлся свадебный костюм. Дана характеристика одежды как показателя социального статуса невесты и жениха, проанализированы магико-охранная и сигнификативная функции свадебного костюма.

Ключевые слова: традиционная культура якутов, свадебный ритуал, обычай избегания, обрядовая одежда.

Изучение материальной и духовной культуры народов Сибири традиционно представляет большой интерес, поскольку расширяет возможности для определения хронологической глубины этнических традиций и помогает разрешить многие проблемы, касающиеся этногенеза и этнокультурных контактов. Ярким маркером этнической культуры является обрядовая одежда. В традиционном костюме якутов «овеществляются» их духовные идеалы и мировоззрение. Синкретизм одежды проявляется в ее полифункциональности. Наряду с утилитарной и эстетической функциями она имеет магико-охранное значение, связанное прежде всего с древними мифологическими представлениями народа. Среди традиционной одежды по разнообразию кроя и сложности семантически нагруженного декора выделяется комплекс свадебного костюма.

Старинный свадебный костюм якутов отличался вариативностью, что отражало социально-экономическую и региональную субэтническую дифференциацию. В прошлом якуты изготавливали одежду в основном из натуральных материалов – меха, кожи, ровдуги. Согласно историческим описаниям, например, в 1670–1671 гг. приданое (*эньнэ блээх*) богатой невесты состояло из 3 лошадей, 51 шкуры соболя, 3 шуб с подкладкой из волчьего меха, лисьей дохи, 3 мужских камзолов, шубы *таналай* с меховой под-

кладкой, 6 шапок *малахай*, других видов одежды и украшений [Токарев, 1945, с. 61].

С конца XVIII в. благодаря развитию торговых связей костюм стали шить из привозных тканей – сукна, шелка, ситца или нанки. Различные по материалу, крою, характеру художественного оформления, свадебные наряды якутов до конца XIX в. имели в основном магико-охранное значение [Петрова, 2006, с. 8].

Существовали бытовые запреты, касающиеся одежды. Так, нельзя было класть чужую шапку, особенно женскую, передом вниз – это было равносильно пожеланию смерти владельцу шапки: *Умса тус!* (Пропади ты!). Обувь запрещалось класть носками вверх – как клали покойника; не следовало также ставить обувь, ориентируя ее к пристенной лавке *орону*, а от *орона* – к дверям и т.д. [Бравина, 1996, с. 85].

Сакрально-апотропейный характер одежды проявлялся в представлениях якутов, связанных с ее изготовлением. Традиционный этикет предписывал швеям быть скромными. Считалось, что если вещь будет сделана слишком красивой и добротной, то ее создателя могут вызвать на соревнование лучшие мастера верхнего мира. Победить их невозможно, а проигравший будет обречен.

В традиционной культуре якутов шитье регламентировалось запретами и предписаниями. Считалось грехом есть, когда на палец надет наперсток. Если при

шитье мастерица поранила иглой руку, то продолжить работу она могла только когда заживет рана. Существовало поверье: если во время шитья узелок на жильных нитях не завязывается, значит человек, которому предназначалось платье, умрет в этой обнове [Худяков, 1969, с. 167, 301].

Строгие правила соблюдались при подготовке одежды покойника – *элунньук танас*. Молодую невестку хоронили обязательно в свадебной одежде. До настоящего времени в народе сохраняются такие запреты: если умер близкий родственник, женщина не должна заниматься шитьем в течение 40 дней, в гроб нельзя класть острые предметы (ножницы, нож, иголку), чтобы «не мешать» умершему при его восхождении в мир иной [Трошанский, 1903, с. 2–3].

Особенно много представлений у якутов связано с изготовлением свадебной одежды. Чтобы девушка была счастлива в брачной жизни, в одном шве свадебной одежды оставляли пропуск. Одежду для невесты шили, отгородившись от огня занавеской, – иначе дух огня проклянет девушку за то, что она, уезжая в дом жениха, может унести с собою счастье родительского жилища [Худяков, 1969, с. 120]. По описанию этнографа П.А. Слепцова, традиционная якутская свадьба состояла из нескольких этапов: 1) сватовство (сговор, помолвка) – *кэргэн кэпсэтии*; 2) первый свадебный праздник – *кютюэттюр*, который совершался после уплаты части калыма в доме невесты и предполагал посещение женихом невесты в ее доме – *түсэ барар*; 3) второй свадебный праздник, включавший переезд невесты в дом жениха и праздничный пир в нем после полной выплаты калыма, – *кыыс суктютютэ*, или *уруу*; 4) временное возвращение молодой в родной дом (*тэркюттютю*) и посещение родственников через некоторое время после рождения ребенка [1989, с. 31].

В период подготовки к свадьбе девушке надлежало быть особенно скромной и сдержанной; нельзя было показываться чужим мужчинам (не родственникам), поэтому ей выделяли специальное помещение в левой части юрты – *хаппахчы*. Правила предсвадебного поведения предусматривали ношение девушкой набедренного украшения *түсюлюк*, сплошь расшитого бисером, с ниспадающими металлическими подвесками. Видимо, это девичье украшение имел в виду В.Л. Серошевский, отмечавший, что «есть у якутов в нравах и в платье и более грубые средства, направленные к охранению целомудрия» [1993, с. 556]. Бряцание подвесок, как считалось, свидетельствовало о нравственной чистоте и целомудрии будущей невесты. После свадьбы это украшение больше не надевалось [Линденау, 1983, с. 26]. Звон металлических украшений выполнял и охранительную функцию, поэтому подвесками украшался вход в *хаппахчы*; звон отмечал каждый выход девушки (рис. 1) [Пекарский, 1958, т. III, стб. 3320].

Рис. 1. Якутская девушка в свадебной натальной одежде у входа в *хаппахчы*. Реконструкция автора по материалам XVIII в.

Магический смысл имели различные части свадебного костюма якутов. Каждому из свадебных ритуалов соответствовала определенная группа украшений или элементов одежды. В старину приданое невесты (*эньэ*) состояло из большого количества имущества и являлось ее пожизненной собственностью в доме мужа. К *эньэ* относились слуги-помощники (*эньэ кулут*) [Ойунский, 1962, с. 171], домашний скот и предметы домашнего хозяйства, утварь, разнообразные подарки для родственников мужа (*эньэ-бэлэх*) – меха, одежда и серебряные украшения [Токарев, 1945, с. 61].

Перед отправлением свадебного поезда в доме родителей в присутствии только близких родственников совершался обряд одевания невесты [Гурвич, 1977, с. 128–129]. В начале XIX в. у богатых людей он начинался с того, что перед камельком стелили белую конскую шкуру с черной оторочкой – *харалаах аас тэллэх*. На нее вставала невеста, которую одевали в лучшую нарядную одежду (рис. 2). Самая богатая невеста поверх натальной одежды с металлическими ритуальными подвесками надевала три платья *халадаай*: ситцевое, шелковое и из китайской нанки.

Рис. 2. Ритуал одевания невесты.

Рис. 3. Свадебная одежда невесты и убранный конь *харамны*. Экспозиция Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера, г. Якутск.

Поверх платьев на невесту надевали безрукавку и серебряное нагрудное украшение *сюрэх киэргэл*, затем легкое пальто *оноолоох сон* из тафты или сукна, только после этого шубу *бууктаах сон*. Обязательным дополнением к свадебной одежде был комплект украшений из литого серебра: большие серьги с подвесками, шейное ожерелье, браслеты, накосник, широкий серебряный пояс с ниспадающими набедренными подвесками и нагрудно-наспинное украшение *илин-кэлин кэбисэр*. Одежда для дальней поездки включала шапку *дьабака* с круглым серебряным украшением *туосахта*. Комплекс одежды состоял из волчьей

или лисьей шубы *сангыях*, меховых защитников лба, подбородка, нагрудника, наушников, мехового наносника, длинного мехового шарфа – боа *моойторук*, меховых запястий и напальчников, больших и нарядно расшитых дорожных рукавиц из меха. Разнообразна была и обувь невесты.

По сведениям информаторов, в обряде одевания невесты особое значение имел ритуал прикрепления к богато украшенным ритуальным натазникам специального ремешка *сыппа быата* (*мыаннарыйк быата*). Во время этой части обряда, который назывался *сыппа быатын ииннэрии сиэрэ-туома*, длинный кожаный ремешок *сыппа быата* подносили невесте семь или девять непорочных девочек и две пожилые женщины. Женщины прикрепляли ниткой ремешок к натазнику так, чтобы ремешок не касался земли. Позже эта традиция забылась (ПМА, 1999). В свадебном ритуале *сыппа быата* играл роль связующего звена между невестой и «чужим» миром, выполнял охранительную функцию и символизировал чистоту и непорочность юной девушки. Данный элемент свадебного обряда был важной составляющей в кодировании благополучия супружеской жизни невесты.

После обряда одевания девушка прощалась со всеми, молилась 3 раза (по некоторым данным, 9 раз – по числу верховных небесных божеств) и пела грустную прощальную песню. Жених выводил невесту из родительского дома, держа ее за кнут. После родительских благословений она садилась на оседланного коня – *харамны*, наступив на стоящего на четвереньках слугу, который входил в состав ее приданого (рис. 3).

По некоторым этнографическим материалам, по дороге в дом родителей жениха свадебный караван делал 27 остановок. Считалось, что невеста должна была преподнести девять шуб – *тангалаев духу* – Хозяйке земли и на каждой остановке оставлять по меховой подстилке [Кулаковский, 1979, с. 95; Серошевский, 1993, с. 539].

Перед отправкой невесты в дом жениха лошадь, на которой ей предстояло ехать, навьючивали сумами с ее старым, поношенным платьем. Как только невесту спускали с коня у дома жениха, прибежали домашние с шильями и начинали протыкать ими сумы, выбрасы-

вать вещи. Это делалось для того, чтобы уничтожить чертей и несчастья, «прибывшие», согласно традиционным представлениям, вместе с невестой [Худяков, 1969, с. 170]. Перед девушкой в дом жениха сначала заносили ящик с открытой крышкой, на дне которого лежали ее старые натазники. Невеста развязывала пояс, чтобы «освободить» свое счастье. Она переступала порог вместе с женщиной, которая вела ее, держа за один конец пояса. Согласно старинной традиции, на переступающей порог богатой невесте обязательно должны были зазвенеть металлические подвески натазника. На многих свадебных натазниках на месте детородного органа имелся металлический колокольчик. По интенсивности звона определяли чистоту и непорочность девушки. Считалось, что резкий и громкий звон сопутствует бойкой, проворной и «чистой» – целомудренной девушке, слабый звон – признак простодушия, глупости и легкомыслия [Новгородов, 1955, с. 149–151; Носов, 1955, с. 96; Слепцов, 1989, с. 36, 53]. «При входе в дом жениха, – рассказывает информатор, – сидела старушка, которая должна была прислушаться к звону обрядового колокольчика и украшения *кыабакы симэзэ* и сообщить об этом будущему свекру невесты. Бывали случаи, что по нелепой причине украшения и колокольчик звенели не очень звонко, и на следующий день девушка, чувствуя себя опозоренной, удавливалась ровдужным шнурком с берестяной разукрашенной двери своей каморки – *хаппахчы*» (ПМА, 1995 г.). В древности существовал обычай вешать натазники невесты на всеобщее обозрение. Описанные действия были, без сомнения, связаны с идеей плодородия: перед родственниками мужа демонстрировался детородный потенциал и полноценность женщины.

Во время свадебного торжества проводился обряд вынимания из сумы (*хааһах хостоохуна*) приданого невесты и подарков (*эньньэ-бэлэх*). Вещи вынимали две женщины, но сначала из четырех углов сундука или сумы доставали мелкие бусины и горстями раскидывали их по всему дому. Присутствующие в доме женщины и дети бросались собирать бусины. После этого из сундука доставали вещи, каждую из них показывали присутствующим и аккуратно откладывали в сторону. Все вещи, составляющие приданое, клали по девять штук: девять шуб, девять рубах и т.д. Вынув все содержимое, женщины тонкими шильями прокалывали сундук в четырех углах, приговаривая: «Ничего нет, ничего нет». Данный ритуал совершался только на очень богатых свадьбах [Слепцов, 1989, с. 43]. Он позволял родителям невесты продемонстрировать свою зажиточность. Кроме того, ценность приданого определяла дальнейший статус невестки в чужом роду.

В ходе свадьбы и после нее молодые строго соблюдали обычай избегания – *кыйииттиир* (от *кыйиит* – невеста), определявший отношения между невесткой

и старшими родственниками мужа, особенно свекром, а также между зятем и тещей.

Иногда на время прихода невестки в дом родителей мужа пространство от двери до камелька завешивали шубами и одеялами, чтобы молодую случайно не увидел свекор. Невестке разрешалось показываться домашним и переодеваться в домашнюю одежду только через три дня после свадьбы, при этом она не должна была снимать шапку [Худяков, 1969, с. 171]. Невестке запрещалось показывать лицо старшей мужской родне мужа в течении трех – семи лет, а в некоторых случаях – до самой смерти.

Об обычае избегания свидетельствует якутское сказание о Дьорхо Бае и его снохе. Дьорхо Бай (его полное имя Аба Уос Джорхо Идельгин) жил между 1680 и 1765 г., был очень богат и имел несколько жен, родивших ему 29 сыновей. Особенно он любил младшего сына Муруку, за которого сосватал дочь одного богача из Амги. Молодые прожили вместе три года, но у них не было детей. И в один из летних дней жена Муруку тайком отправилась на свою родину. Узнав об этом, разгневанный Дьорхо Бай, которому тогда было за 50 лет, погнался за снохой на лошади и догнал ее на земле алтанцев. Настигнув молодую женщину, старик спросил: «Почему решила ты убежать от нас?». «Я решила покинуть вас по той причине, что за три года совместной жизни сын Ваш не показал признаков мужчины», – ответила она. «Не означает ли это, что ты до сих пор ходишь девственницей?» – задал ей вопрос озадаченный Дьорхо. «Это действительно так», – последовал ответ. «Если же ты права, то останешься в живых!» – сказал разгневанный старик, срывая с лица покрывало снохи. И Дьорхо Бай впервые увидел лицо своей снохи. Перед ним стояла девушка замечательной красоты. И старик, нарушив заветы своих предков и перейдя границы морали, не смог удержаться от соблазна и овладел своей снохой. А после вернул ее назад и снова поселил вместе с сыном. По истечении положенного срока сноха родила сына [Березкин, 1981, с. 58].

Согласно традиционному этикету, обычай избегания соблюдался достаточно строго. Среди якутов Момского улуса, по данным И.А. Худякова, зять перед тещей или старшей сестрой жены никогда не снимал шапку, он всегда носил длинную рубашку, чтобы женщины никогда не видели его наколенников [1969, с. 160].

Важным дополнением одежды женщины было лицевое покрывало (Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 293. Л. 45). Покрывалом женщины закрывались в присутствии старших родственников-мужчин со стороны мужа, а также если видели тотемных птиц-прародителей.

Общепринятое название покрывала – *аннах*. В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского отмечено, что «наличник, покрывало, коим невестки в ста-

рину закрывали свое лицо», назывался *андах* [1958, т. I, стб. 107]). А.А. Савин приводит другое название такого покрывала – *сирэй таналайя* (Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 6. Л. 24). В записях С.И. Боло отмечено, что в старину якутские невестки закрывали лицо покрывалом *тангалай* (Там же. Д. 19. Л. 10–11). Это слово, видимо, связано с названием узора, распространенного в якутском орнаментальном искусстве, – *таналай ойуу* (узор таналай), им украшали покрывало. По данным В.Л. Серошевского, свадебное покрывало называется *намысха*, или *сирэй сабыыта* – лицевое покрывало [1993, с. 549].

Самые богатые якуты могли позволить себе *аннах* из шкуры соболя, семья среднего достатка – рыси или бобра, бедные шили «наличники» из лоскутов кобылей кожи. Иногда невестка закрывала лицо шкурками горностая; так делали в летнюю пору [Худяков, 1969, с. 167, 170, 172]. Известны покрывала из ровдуги, а также в виде сетки, сплетенной из темных волос, которые срезались с кончиков ушей лисы (Архив ИВ (ЛО) РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 11).

Лицевое покрывало *аннах* было важным атрибутом свадебных церемоний. Нарядной невесте надлежало ехать к матери будущего мужа на лучшей белой кобыле и уже за 10 в. до юрты свекрови закрыть свое лицо покрывалом. Покрывало богатой невестки было украшенным; бисером обшивались даже прорези для глаз.

На следующий день после приезда невесты в дом жениха совершался обряд приветствия свекра; для этого девушка опускалась на правое колено по левую сторону от камелька и «кормила» огонь – угощала его кумысом, приговаривая заклинание *алгыс*. Ее лицо было закрыто покрывалом. Находившийся в юрте шаман благословлял молодую, и она, пятясь назад и не оборачиваясь, выходила из дома, поворачивалась и, также пятясь, заходила обратно [Описание..., 1882, с. 275]. Подобный ритуал (вход в юрту и выход из нее задом, не оборачиваясь) совершался и в обрядах, сопровождавших рождение ребенка. Суть ритуала – в запутывании следов, чтобы обмануть вредоносных духов и устранить вероятность похищения невесты или младенца силами зла. Близкие по содержанию ритуалы известны у многих тюркских народов.

Распространенные в традиционных тюркских культурах обычаи избегания рассматривались как реликты матрилокального и группового браков [Дыренкова, 1937; Потапов, 1936, с. 150]. Но существовали ли у якутов такие формы брака – не известно, вопрос требует специального изучения. Что же касается покрывала как атрибута ритуала избегания и свадебной обрядности, то оно, несомненно, являлось своеобразным оберегом невестки, призванным защитить ее от порчи и сглаза.

В целом в традиционной культуре якутов весь комплекс одежды имел большую смысловую нагрузку. Одежда обозначала статус человека и его место в

мире, выступала как элемент, регламентирующий поведение. Она была реальной и символической защитой, например, оберегала душу человека от воздействия негативных сил.

Огромную роль в оформлении традиционной якутской одежды играли символы и обереги. Их роль была особенно велика в украшении свадебного женского костюма, который выполнял функцию магической охраны женщины – продолжательницы рода и способствовал благополучию семейной жизни.

Список литературы

- Березкин И.Г.** По следам предков наших современников. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 110 с.
- Бравина Р.И.** Погребальный обряд якутов (XVII–XIX вв.). – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1996. – 231 с.
- Гурвич И.С.** Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М.: Наука, 1977. – 247 с.
- Дыренкова Н.П.** Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // СЭ. – 1937. – № 4. – С. 33–38.
- Кулаковский А.Е.** Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 95 с.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (1-я половина XVIII в.). – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Новгородов И.Д.** Археологические раскопки музея: Некоторые предварительные данные // Сборник научных статей Якутского краеведческого музея. – Якутск: Кн. изд-во, 1955. – Вып. 1. – С. 138–162.
- Носов М.М.** Одежда и украшения у якутов XVII–XVIII веков // Сборник научных статей Якутского краеведческого музея. – Якутск: Кн. изд-во, 1955. – Вып. 1. – С. 84–136.
- Ойунский П.А.** Собрание сочинений: в 7 т. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – Т. 7. – 222 с.
- Описание якутов // Северный архив.** – СПб., 1882. – Вып. 16, ч. 3. – С. 273–300.
- Пекарский Э.К.** Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1958. – Т. I. – 1 280 стб.; т. II – 2 508 стб.; т. III. – 3 858 стб.
- Петрова С.И.** Свадебный наряд якутов: традиции и реконструкция. – Новосибирск: Наука, 2006. – 104 с.
- Потапов Л.П.** Очерки по истории Шории. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 258 с. – (Тр. Ин-та востоковедения, вып. XV).
- Серошевский В.Л.** Якуты (Опыт этнографического исследования). – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 1993. – 736 с.
- Слепцов П.А.** Традиционная семья и обрядность у якутов. XIX – начало XX вв. – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 160 с.
- Токарев С.А.** Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. – Якутск: Кн. изд-во, 1945. – 409 с.
- Трошанский В.Ф.** Эволюция черной веры (шаманства) якутов. – Казань: [Тип. Имп. ун-та], 1903. – 185 с.
- Худяков И.А.** Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 438 с.